

сма­три­вае­мом раз­де­ле свя­за­на с тем, что су­гу­бо част­ная груп­па при­ла­га­тель­ных и прича­стий на *-ован­ный* не­пра­во­мер­но воз­ве­де­на в ранг ис­ход­ной в об­щей ло­гике из­ло­же­ния. В цен­тре рас­смот­ре­ния ус­ло­вий на­пи­са­ния двух *н* здесь ока­зы­ва­ет­ся про­ти­во­пос­та­в­ле­ние об­ра­зо­ва­ний “на *-ован­ный, -ёван­ный, -еван­ный*” и “не на *-ован­ный (-ёван­ный, -еван­ный)*”.

При об­щей тра­ди­ци­он­но­сти са­мих рас­сма­три­вае­мых на­пи­са­ний об­ра­ща­ют на се­бя вни­ма­ние два ни­как не оговариваемых и не об­яс­няе­мых част­ных нов­ше­ства – на­пи­са­ние *счи­та­ные ми­ну­ты / ча­сы* и под. и *чи­та­ный – пере­чи­та­ный* с од­ним *н*.

Пе­ре­чень про­яв­ле­ний не­точ­но­сти или не­це­лесо­об­раз­но­сти в ло­гике рас­смот­ре­ния ор­фо­гра­фиче­ских за­ко­но­мер­но­стей и тен­ден­ций в из­да­ни­ях, рас­счи­тан­ных на мас­со­во­го поль­зо­ва­те­ля, мож­но бы­ло бы про­дол­жать. Но пред­став­ля­ет­ся, что и при­ве­дён­ных при­ме­ров дос­та­точ­но для вы­во­да: лин­гви­сти­че­ское обес­пе­че­ние ор­фо­гра­фиче­ской куль­ту­ры оста­ёт­ся оче­вид­но не­дос­та­точ­ным.

Е.Н. Басовская

ОШИБКИ-СТАРОЖИЛЫ: “БОРЬБА ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА” В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Российский государственный гуманитарный университет

Кто стан­ет спорить с тем, что “чи­сто­та язы­ка” – это пре­крас­но? Суще­ствительное “чи­сто­та” во­об­ще окру­же­но по­зи­тив­ны­ми кон­но­та­ци­ями. “Рус­ский се­ман­ти­че­ский сло­варь” фик­си­ру­ет в ря­ду бли­жай­ших ас­со­ци­а­ций со сло­вом “чи­сто­та” мейо­ра­тив­ные при­ла­га­тель­ные “ак­ку­ра­тный”, “под­тя­ну­тый”, “пунк­ту­аль­ный”, “тщатель­ный” [10: 546].

Ес­те­ствен­но, “чи­сто­та” по­сто­ян­но упо­ми­на­ет­ся в лин­гви­сти­че­ских по­со­биях и справочниках в качестве обя­зательного качества хорошей речи [12: 51; 4: 217; 7: 751; 13: 366]. При этом под рече­вой “чи­сто­той” под­ра­зу­ме­ва­ют­ся весь­ма раз­лич­ные свой­ства тек­ста – от­сут­ствие не­ли­те­ра­тур­ных эле­мен­тов, кан­це­ля­ризм, ли­ш­них слов и так да­лее.

Не­смот­ря на не­ко­то­рую раз­мы­тость по­ня­тия, об­щественному мнению свой­ствен­но осоз­на­вать “борьбу за чи­сто­ту язы­ка” в качестве актуальной социокультурной задачи. Отражением и в то же время катализатором по­доб­ных умо­на­строений становит­ся пресса, публи­ку­ю­щая рас­суж­де­ния спе­ци­а­ли­стов и пись­ма чи­та­те­лей, по­свя­щен­ные не­об­хо­ди­мо­сти очи­ще­ния язы­ка от тех или иных “сорняков”, то есть чуж­дых и вред­ных яв­ле­ний.

В данной статье анализируется “борьба за чистоту языка”, которую вела “Литературная газета” на протяжении первых тридцати лет своего существования (с 1929 по 1959 год).

Изучение публикаций “Литературной газеты”, касающихся культуры языка и речи, показало прежде всего значительное преобладание выступлений общетеоретического, декларативного характера и относительно небольшое число материалов, посвященных критике конкретных языковых явлений.

Уже в четвертом номере нового издания Г.О. Винокур поставил задачу создания грамотного, чистого газетного языка и подчеркнул, что журналистам необходимы “хороший вкус и развитое чувство лингвистической дисциплины” [1: 1929. – №4. – С. 2]. В дальнейшем редакция многократно возвращалась к вопросам качества художественной, публицистической и разговорной речи.

В советский период особо подчеркивалось, что русский язык периода социализма должен быть на уровне великих исторических задач, стоящих перед страной победившей революции. Так, в редакционной статье “За культуру языка”, подводившей итог газетной дискуссии, говорилось: “Само собой разумеется, что культура социализма знаменует необходимость подъема языка на высшую ступень его развития... Борьба за культуру языка есть одновременно и борьба за язык социалистической культуры и шире – борьба за культуру социализма в целом” [1: 1934. – №34. – С. 1].

Однако интерес представляет не только дополнительное: философское, историческое, политическое – содержание “борьбы за чистоту языка”, но и основное, лингвистическое и стилистическое. Рассмотрение этого процесса в исторической перспективе позволяет судить о том, насколько действенна такая форма языкового строительства, как газетная публикация и даже кампания в прессе.

В центре моего внимания – конкретные слова и грамматические формы, в различные годы оценивавшиеся авторами “Литературной газеты” как ошибочные, засоряющие русский язык. Степень сегодняшней активности, а также нормативность/ненормативность рассматриваемых словоформ оценивается по материалам новейших лингвистических словарей, а также “Национального корпуса русского языка”, отражающего сегодняшнюю живую письменную речь.

К числу слов, которые “Литературная газета” 30-50-х гг. объявляла неправильно образованными, искусственными, чуждыми русскому языку, относятся, в частности, глаголы *скукожиться* (М. Горький утверждал, что оно “искусственно и нелепо” [1: 1934. – №8. – С. 2]), *оглаживать*, прилагательное *мировоззренческий*, существительное *чащоба*.

Газета подвергала также критике необоснованное переосмысление слов, их употребление в несвойственном им значении (например, *материал* в значении “статья”, *зачитать* в значении “огласить”).

В этом плане наиболее показательна история глагола *довлеть*, которому не раз посвящались специальные заметки. В 1938 г. преподаватель русского языка Н. Прянишников впервые обратил внимание читателей газеты на “вопиюще неграмотное словоупотребление”. Он указал, что глагол *довлеть* означает “быть довольным” и не может использоваться в значении “давить, угнетать”. Для рассматриваемого исторического периода характерно эмоциональное восклицание Н. Прянишникова: “Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?” [1: 1938. – №12. – С. 6].

Редакция специально подчеркнула, что получила большое число читательских откликов на выступление Н. Прянишникова. Некоторые из них были помещены на странице газеты, причем исключительно те, в которых точка зрения преподавателя опровергалась. Читатели отмечали, что миллионы людей употребляют слово *довлеть* в новом значении, и настаивали на том, что ученые не имеют права указывать народу-языкотворцу [1: 1938. – №22. – С. 6].

Дискуссия о глаголе *довлеть* возобновилась в 1951 г., когда писатель Ф. Гладков в письме в редакцию повторил публиковавшуюся ранее информацию об исконном значении слова. Встречающиеся в прессе такие формулировки, как “страх довлеет над реакционерами Америки”, автор письма назвал абракадаброй [1: 1951. – №121. – С. 3].

Редакционная политика оказалась тактически иной, но стратегически такой же, как в конце 30-х гг. Дав слово стороннику “чистоты языка”, газета вскоре напечатала материал, в котором такая позиция объявлялась неправильной. Через несколько номеров после письма Ф. Гладкова “Литературная газета” опубликовала большую статью академика В.В. Виноградова “О культуре речи и неправильном словоупотреблении”. В ней упоминалось и о глаголе *довлеть*. Ученый решительно не соглашался с Ф. Гладковым и предлагал признать, что слово объективно приобрело новое значение. По мысли В.В. Виноградова, “нельзя закрывать глаза на то, что такое словоупотребление в языке современной советской литературы распространяется все шире и большие знатоки современного русского языка не брезгают им” [1: 1951. – №146. – С. 2-3].

Ситуация с глаголом *довлеть* может быть названа достаточно показательной. Постоянные призывы советской прессы к борьбе за “чистоту языка” вовсе не означали политики последовательного языкового пуризма. Напротив, газетная пропаганда в целом склонялась к поддержке новейших лингвистических явлений.

Современные словари фиксируют в качестве нормативных большую часть слов и значений, вызывавших споры более полувека назад. Так, в “Словаре русского языка” С.И. Ожегова, переизданном в 2005 г. под редакцией Л.И. Скворцова, слова *мировоззренческий*, *чащоба*, *зачитать* (в значении “прочсть вслух”) даны без стилистических помет [9: 346, 858, 223]. Глаголы *скукожиться* и *оглаживать*, а также существительное *ма-*

териал в значении “журналистская публикация” в словаре отсутствуют, но данные электронного ресурса “Национальный корпус русского языка” свидетельствуют о фактах их использования в средствах массовой информации. (“И скукожившийся монстр, захлебываясь, глотая сопли и слюни, нервно прикуривая, выдаёт адреса, явки, просит прощения и постоянно боязливо оглядывается на стоящего сзади него широкоплечего сержанта... // "Криминальная хроника", 2003. 07.24; “Когда доктор Дорн оглаживает Полину Андреевну, та смущенно оглядывается на зрителей” // Эксперт, 2004) [2].

Глагол *довлеть* и сегодня остается предметом стилистических дискуссий. В новейшем издании словаря С.И. Ожегова специально подчеркивается: “не рекомендуется говорить *довлеть над кем-чем* в значении господствовать, тяготить” [9: 166].

При этом “Национальный корпус русского языка” содержит многочисленные примеры использования данного глагола именно в новом, все еще не признанном лингвистами значении: “Помимо этого, довлеют общественные стереотипы по отношению к женщинам, попавшим в беду, – мол, сами виноваты // “Ежедневные новости” (Владивосток), 2003;

– В части возражений сильно довлеют экономические соображения, – говорит Кузьминов // “Известия”, 2003.03.03; – Каждая реорганизация – это от шести месяцев до года неизвестность, которая довлечет над людьми: что будет со мной, кого назначат начальником? // “Известия”, 2002.11.29 [2].

Обнаруживается, таким образом, что лексико-словообразовательные явления, отмечавшиеся в прессе как новые пять-семь десятилетий назад, закрепились в языке. Уровень их активности в речи неодинаков, а некоторые по-прежнему вызывают неодобрение со стороны образованной части носителей языка. Однако нельзя привести ни одного примера победы пуристов над той или иной нежелательной, с их точки зрения, тенденцией языкового развития.

Следующую рассматриваемую группу составляют слова, употребление которых оценивалось как нарушение стилистических норм. Газета регулярно осуждала писателей за увлечение грубыми просторечиями и жаргонизмами, такими как *буза* (в значении “шум, скандал”), *мазила*, *мура*, *хахаль*, *волынить*, *ломаться* (в знач. “капризничать”), *погореть* (в знач. “потерпеть крупную неудачу”), *присобачить*, *срезать* (в знач. “победить в споре, привести сильный аргумент”), *шамать* и тому подобными.

Яростным противником использования жаргонизмов был М. Горький, называвший это явление паразитизмом. В статьях других авторов и читательских письмах случаи употребления жаргонных слов именовались “дикими фактами” и предлагалось “объявить войну не на живот, а на смерть

всему мусору, попадающему в литературный русский язык...” [1: 1935. – №34. – С. 3; 1951. – №43. – С. 3].

Неоднозначно оценивала “Литературная газета” так называемые “канцеляризмы”. В 1930-х годах публицисты порой вставляли на их защиту, ссылаясь на авторитет партийных лидеров, активно пользовавшихся такими словами, как *мероприятие, неувязка, освоить, по линии, проработать* [1: 1933. – №60. – С. 5].

В дальнейшем применение бюрократических жаргонизмов за пределами официальной речи все более определенно осуждалось. “Литературная газета” отмечала, что в литературном языке не может быть таких слов и конструкций, как *бросать на* (картошку), *в деле, на участке, незавершенка, переотвлечься, по вопросу, утрясти* (вопрос). Автор фельетона А. Одинцов с горечью констатировал: “На участке языка... “прироста” не наблюдается” [1: 1953. – №70. – С. 2].

Специалистами многократно отмечалось, что одно из ведущих направлений эволюции русского языка конца XX – начала XXI в. – это размывание стилевых границ, освобождение автора как устного, так и письменного текста от бывших ранее жесткими стилистическими ограничениями [6: 232; 10: 12; 3: 92-96]. В соответствии с этим значительная часть стилистически окрашенных слов, на употребление которых публицисты прошлого пытались наложить табу, включена в новейшие словари: *буза, волынить, погореть* с пометой “просторечное”, *ломаться, неувязка, проработать, утрясти* с пометой “разговорное”, *коммуникативный* с пометой “специальное”, *бросить на что-либо* (в значении “направить”), *мероприятие* – без стилистических помет [9: 60, 61, 93, 282, 322, 339, 401, 762].

Остальные слова, критиковавшиеся в “Литературной газете” как стилистически не соответствующие нормам хорошей речи, по данным “Национального корпуса русского языка”, также находят применение в текстах различного характера, в том числе публицистических (Продала хату и свалила к хахалю // “Известия”, 2002.03.24; Ну, положим, второй президентский срок Путину гарантирован даже при нынешней чеченской “незавершенке” // “Московские новости”, 2003) [2].

Вопросы грамматической стилистики затрагивались на страницах “Литературной газеты” 1930-50-х гг. несколько реже, чем лексические нормы, но возникавшая дискуссия имела не меньшую остроту. Так, авторы и читатели не раз обращались к обсуждению вариативных форм множественного числа существительных на согласную типа *профессоры/профессора*. В 1935 г. Г.О. Винокур чисто идеологически толковал данную проблему: “По отношению к этим словам борьба с окончанием “а”, идущим из живого повседневного языка, означает такое культивирование уважения к званиям “профессор”, “директор” и прочим, которое вряд ли совместимо с нашим пониманием авторитета. Здесь слышно какое-

то недовольство демократизацией этих почетных званий...” [1: 1935. – №28. – С. 4].

Социально-политическая подоплека этой проблемы была в дальнейшем забыта. В 1951 г. в подборке читательских писем о культуре речи встречается упоминание форм *профессора* и *катера* как малограмотных, коверкающих и упрощающих великий русский язык [1: 1951. – №43. – С. 3]. Публикации такого рода не помешали формам *директора*, *катера*, *профессора* и ряду подобных закрепиться в языке в качестве единственно нормативных [9: 162, 266, 616].

Непоследовательны и малорезультативны были и выступления “Литературной газеты” в защиту орфоэпических норм. В 1939 г. она опубликовала открытое письмо Ф. Гладкова в Радиокomitee СССР. Среди ошибок, допускаемых дикторами радио, писатель называл неверные ударения в ряде грамматических форм: *на ре́ку*, *в фо́ртах*, *в по́ртах*, а также жаргонное *до́быча* и *мо́лодежь*. “Наша задача в том, – подчеркивал Ф. Гладков, – чтобы вести борьбу за очистку русского языка от звукового сора” [1: 1939. – №56. – С. 3].

На выступление писателя ответил редактор “Толкового словаря русского языка” профессор Д.Н. Ушаков. Признав ошибочным произношение *до́быча* и *мо́лодежь*, он тем не менее не согласился с Ф. Гладковым в оценке формы *ре́ку* и указал, что существительное испытывает колебания в склонении.

Позиция лингвиста вызвала у Ф. Гладкова глубокое возмущение. Его ответ “Литературная газета” поместила в том же номере, что и заметку Д.Н. Ушакова, оставляя таким образом последнее слово за писателем-пуристом. В соответствии с общей практикой советских газетных кампаний решающим аргументом в дискуссии стала ссылка на социально-политический подтекст культурной проблемы. Ф. Гладков заявил: “... Я не сторонник анархо-левацкой точки зрения... что “жизнь требует создания новых орфоэпических норм”. Какие же это должны быть нормы? Где реальные их основы? Не в сторону наименьшего сопротивления, а в сторону наибольших преодолений должно идти развитие литературного языка. Сторонник этого – сам народ...” [1: 1939. – №68. – С. 3].

Тем не менее народ не продемонстрировал приверженности старой акцентологической норме, и сегодняшние словари допускают в качестве равноправных варианты ударения *ре́ку* и *реку́* [9: 664; 5: 218].

В начале 1950-х гг. вопрос об ударении и вообще о произношении слов несколько раз затрагивался на страницах “Литературной газеты” в рамках “борьбы с космополитизмом”. С.И. Ожегов, а вслед за ним и читатели осуждали “прозападное” твердое произношение согласных в существительных *претензия*, *патефон*, *рenegат*, *пионер*, *дефект*, а также уда-

рение на первом слоге в словах *коттедж*, *Ньютон* и *Чемберлен*. Осуждение подобных орфоэпических ошибок было однозначным, иных мнений газета не публиковала.

Данная группа слов – единственная, в отношении которой устремления борцов за “чистоту языка” совпали с объективной тенденцией: все перечисленные заимствования, за исключением фамилии *Ньютон*, закрепились в словарях именно в том виде, на котором настаивала “Литературная газета” пятьдесят лет назад [5: 47, 92, 163, 218; 8: 824, 1342].

Проведенный анализ газетных публикаций в сопоставлении с новейшим лингвистическим материалом демонстрирует крайне низкую результативность газетных выступлений, направленных на повышение речевой культуры и так называемое “очищение” языка от вредных явлений. Даже в советский период, когда пресса имела большой авторитет и отражала официальную точку зрения, речевая практика и тем более языковая система не подчинялись директивам и не реагировали даже на публикации, имевшие очевидный политический подтекст.

Сказанное не означает, что средства массовой информации оказывают незначительное влияние на развитие языка. Напротив, их роль в языковой эволюции исключительно важна. Однако СМИ воздействуют на язык, давая аудитории многократно повторяющиеся образцы определенного речевого поведения, а также формируя общественное мнение относительно тех или иных понятий, что влечет за собой семантические и стилистические сдвиги. В тех же случаях, когда публицисты ставят перед собой задачу “улучшить”, “защитить”, “спасти” язык, они вновь и вновь уподобляются своим предшественникам, которым так и не удалось победить слова, значения и формы, отобранные языковым сознанием народа.

Библиографический список

1. Литературная газета. – 1929-1959.
2. Национальный корпус русского языка info@ruscorpora.ru.
3. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М., 2001.
4. Введенская, Л.А. Деловая риторика: учебное пособие для вузов / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Ростов-на-Дону, 2000.
5. Горбачевич, К.С. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке / К.С. Горбачевич. – СПб., 2002.
6. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. – М., 1994.
7. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. – М., 2003.
8. Новый энциклопедический словарь. – М., 2004.
9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М., 2005.
10. Русский семантический словарь. – М., 1983.

11. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 1996.
12. Соколова, В.В. Культура речи и культура общения / В.В. Соколова. – М., 1995.
13. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник. – М., 2005.

Е.П. Захарова

КАТЕГОРИЯ ТОНАЛЬНОСТИ В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Саратовский государственный университет

В связи с расширением сферы устного речевого общения в современном обществе (развитие рекламы, финансово-экономической, коммерческой деятельности, сферы услуг и др.) возрастает потребность в коммуникативной образованности человека, формировании навыков общения в разных коммуникативных ситуациях, разных сферах общения. Необходимо хорошее владение коммуникативно-этическими нормами речевого общения.

Одним из важнейших компонентов коммуникативной нормы является тональность. Категория тональности определяет характер протекания речевой коммуникации, она участвует в создании социально-этической и эмоционально-психологической атмосферы общения, связана с выражением субъективно-оценочного отношения коммуникантов друг к другу, к предмету речи и самой коммуникативной ситуации. Таким образом, коммуникативная категория тональности выполняет роль регулятора общения.

Понятие “коммуникативная категория тональности” несколько шире одноименных категорий: тональность как текстовая категория выделяется в монографии Т.В. Матвеевой “Функциональные стили в аспекте текстовых категорий” (Свердловск, 1990), см. также [1]; тональность в социально-этическом плане рассматривается Л.П. Крысиным во многих его трудах по социолингвистике, Н.И. Формановской – в работах по речевому этикету; эмоциональная тональность исследуется во многих работах В.И. Шаховского, на материале газетного текста она представлена и в статье М.А. Кормилицыной [2].

В отличие от текстовой категории коммуникативная категория тональности охватывает речевую коммуникацию в полном объеме: как письменную, так и устную, как имеющую текстовую организацию, так и представляющую дискурс вне текстовой организации.

От остальных категорий коммуникативная категория тональности отличается большей сложностью, фактически включает их в свой состав. Так, социально-этическая, эмоциональная и экспрессивно-стилистическая тональности создают общую тональность, в значительной мере определяя